

«История – это наука о прошлом и наука о будущем» (Л. Февр) [4]. И потому историк отвечает на те вопросы, которые перед ним ставит современность¹. В древности при очевидном использовании «событиеописания» для восхваления правителей и их дел (создание мифов) сами историки обращали внимание на воспитательную роль своей деятельности (Плутарх, Светоний, Сыма Янь). Значит, на это был общественный запрос. В средние века, по крайней мере, в Европе, возрождение истории, не вошедшей в образовательный минимум – «7 свободных искусств» – происходило из-за потребностей в обосновании своих прав растущими знатными родами, особенно королевскими. И в дальнейшем создание политических, затем, национальных мифов оставалось основной задачей творчества историков. Обилие интересов, которые приходилось обеспечивать служителям Клио, породило, кстати, наряду с известными проблемами источников и их интерпретаций, существующее многообразие точек зрения и концепций². Бурные события XX в. сохранили спрос на национальные мифологии³. При этом тенденция к национальной государственности актуализировала интерес к государству как понятию и функции. Последнее особенно существенно в условиях лавинообразного разрастания государственных служащих – чиновников. Этому слою ведь тоже, как когда-то знати, необходимо обоснование их необходимости. Наилучшее оправдание – в прошлом. Тем более, что чиновничество – бюрократия – неперенный атрибут государств уже с глубокой древности⁴. Очевидно, не только в традиционных обществах, где в отсутствие писаных законов действовали исторически складывавшиеся обычаи, но и в наше время опора, ссылка на прошлое, на историю сохранила свой авторитет.

Соответственно, и в белорусском историческом дискурсе одной из наиболее актуальных является проблема государственности, его становления и региональной специфики. Однако исторической памяти политиков и публицистов обычно хватает лишь на 2-3 поколения, что берет, кстати, начало еще в дописьменной традиции. На более углубленное «копание», поиски истоков не хватает знаний, профессиональной школы. Ведь установление исторической истины (насколько это вообще диалектически возможно) требует не только владения огромным массивом фактов, но и умения найти в их существовании и взаимодействии стержневые процессы, закономерности, а также обнаружения в исторических явлениях «специфически внутреннего смысла, рождающегося из соотношения их элементов»⁵. Для этого необходимо начинать с самых общих явлений, определявших основные параметры человеческой истории. Затем рассматривать внутреннюю структуру каждого параметра, его составляющие в рамках конкретного исторического процесса определенного общества, локальной цивилизации, выделять главные – определяющие, и второстепенные – сопутствующие черты⁶. Ведь «социальную дичь поймать не так просто» [4].

¹ См., напр. «Историк воссоздает, измышляет прошлое, исходя из тех вопросов, которые ставит перед ним настоящее» [3]. Или: «... проблема исследования действительно в огромной степени зависит от историка, высказывающегося как бы от имени того общества, той культуры, к которым он принадлежит. Мы не можем задавать прошлому вопросы, которые нас оставляют холодными, которые нас не интересуют. В основе всякого научного изыскания всегда лежит некий человеческий интерес. И поэтому естественно, что историк вопрошает прошлое от имени современности» [5].

² Это обилие и дискуссионность многих исторических представлений способствовали, кстати, известному ныне дилетантскому пренебрежению к истории как науке и созданию многочисленных псевдоисторических сочинений.

³ Российский историк А. Каменский привел недавно характерную фразу, неназванного им современного российского политика: «Историю учат для того, чтобы гордиться» [25]. Позднее я узнал, что эта фраза принадлежит нынешнему министру культуры РФ В. П. Мединскому.

⁴ По новейшим данным, бюрократия появилась еще в дописьменную эпоху, в ранних восточных деспотиях, когда для организации учета и контроля в Месопотамии появились первые учетчики и контролеры, которые для своих нужд и создали письменность. Оттуда же – и первые дошедшие до нас законы – Законы Хаммурапи XVIII в. до н.э. Бюрократия – такое же изобретение древности, как и письменность, торговля, деньги, государство, законы, литература и др. [24, с. 93–94, 123].

⁵ Закавыченная мысль принадлежит литературоведу Б. М. Эйхельбауму и касается формального анализа стихотворных текстов [26], но вполне уместна в данном контексте.

⁶ Этот, в общем-то, дедуктивный метод, применяется в исторических исследованиях. Но математик сформулировал его для историков более определенно и назвал *методом последовательных приближений* [15].

УДК 321(4)(091) : [316+902]

Риер Я. Г.

К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ В ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

Проблема становления государственности в современной восточноевропейской историографии стала весьма актуальной. Важное значение имеют поиски критериев, отделяющих позднепервобытные сообщества от раннегосударственных. Наиболее емкими представляются современные суждения антропологов. Но к ним можно добавить и археологические критерии. Для рассматриваемых земель это, прежде всего, данные об укрепленных поселениях – городищах – конца I тыс. н.э., которые четко фиксируют выделение знати и ее обособление от рядового населения, что является важным показателем начала формирования государств.

Ключевые слова: историография, государственность, антропология, критерии, укрепленные поселения – городища.

The issue of the development of statehood has assumed great significance in contemporary Eastern European historical writing. Great importance is attached to the search for criteria to distinguish Late Pre-historic societies from early statehood. Contemporary anthropological approach appears to be the most meaningful. However, archeological criteria can also be added. For the territories in question, it is first of all archeological evidence for fortified settlements – hillforts – of the late first millennium A.D. that clearly states the emergence of the nobility and its demarcation from the common people, which is an important marker of the beginning of the formation of states.

Keywords: historiography, statehood, anthropology, criteria, fortified settlements – hillforts

Иначе можно оказаться в ситуации, когда возникает вопрос: «а был ли мальчик»? Такая мысль возникла у меня после прочтения серьезного российского исторического журнала «Родина» (2012. № 9), посвященного «круглой» дате наиболее раннего упоминания о появлении Рюрика в Восточной Европе – 862 г. Петербургский исследователь А. Н. Кирпичников увидел в данном событии свидетельство возникновения одного из первых центров начала государственности на Руси – северного в Старой Ладогe – со второй половины IX в. [10]. В ответ киевские авторы призвали не абсолютизировать указанный год как **начало русской государственности** и отметили известные историкам неясности ранних свидетельств, которые надо рассматривать в полном контексте сообщений середины и второй половины IX в. Но, главное, они призвали не отказываться от места и роли Киева в начальной истории Руси, иначе распадется представление древнерусском единстве [12; 18]¹. При этом А. П. Моця заметил: «... Вот и белорусы в последний момент открыли для своей государственности “первую страницу” начиная с того же 862 года, когда в летописи впервые упоминается Полоцк...»².

Очевидно, своеобразный юбилейный выпуск «Родины» к 1150-летию начала Руси с поисками иных ее центров и был призван продемонстрировать создание очередного исторического мифа тогда, когда Киев оказался за пределами России, позиционирующей себя основной наследницей изначальной русской государственности. Серьезный журнал дал высказаться разным авторам. Ряд статей в нем продемонстрировал сложность проблемы, представив ее в общеевропейском историческом контексте тех времен [1; 17; 19]. А ученик И. Я. Фроянова, создателя концепции возникновения древнерусской государственности из городов-полисов, причем не ранее XI–XII вв. – А. Ю. Дворниченко вообще заключил: «... Древнерусского государства не было. Если бы это государство было, его не могли бы уничтожить никакие монголы...» [6]. При этом питерский историк опирается, в том числе, и на новейшие изыскания зарубежных ученых, работающих в новом направлении – **политической антропологии** – разрабатывающей теоретические вопросы становления государственности на основе сопоставления современных этнографических данных с историей ранних государств³.

Таким образом, становление государственности – сложная, многогранная проблема. И не только из-за известного специалистам состояния источников – ибо позднеродовые общества, из которых и выходили ранние государственные образования, не знали письменности... А ведь надо еще понять, как позиционировали себя тогдашние люди, как они видели и понимали менявшийся социум. Отсюда, как найти тот **переломный момент**, от которого можно вести начало того или иного государства? Поэтому столь невнятные и начала русской государственности (русской ли, восточнославянской etc.?). Итак, «был ли мальчик» и когда он появился?

В данном сюжете мне хотелось бы указать на археологические признаки появления государственности у славян, в том числе и в Восточной Европе. Но прежде надо, все-таки, определиться с понятием и хоть кратко обозначить современные подходы к проблеме.

Итак, **государство** – системообразующая структура, имеющая особые полномочия⁴. Оно может стоять над обществом, управляя им (авторитарные государства) или быть встроено в общество в качестве организующего учреждения (демократические государства). В первом случае государство воспринимается его населением как явление высшего, сакрального порядка

¹ Замечу, что это было еще до украинско-российского кризиса с 2014 г. Теперь в украинской историографии преобладают иные тенденции.

² Подробно о месте Полоцка в тогдашнем процессе государствообразования и об истоках соответствующего направления в белорусской историографии писали с том же номере «Родины» отечественные исследователи Д. В. Дук и И. А. Марзалиук [7; 16].

³ Разработанные политической антропологией представления и теории становления государств недавно удачно применены в исследовании становления Древнерусского государства брянский археолог Е. А. Шинаков [23].

⁴ Существует множество определений государства, что, как справедливо заметил голландский исследователь Х. Дж. М. Классен, связано с идеологическими воззрениями. Сам он, стараясь быть нейтральным, назвал государство особым видом социальной организации, выражающим специфический тип общественного строя. Оно является выражением социальных, экономических и политических отношений, существующих в данном обществе, и идей, касающихся силы, власти, принуждения, правосудия и собственности [11, с. 72].

(в духе древнекитайских **легистов**⁵). Во втором – как рабочий орган гражданского общества⁶. Разнообразие форм и типов государственной организации складывалось исторически.

Появлением тех форм социальной организации, которые затем были названы государственными, заканчивается первобытность и начинается эпоха цивилизаций. Этот переход был весьма длительным. Ф. Энгельс на материале, прежде всего, древних германцев назвал его **военной демократией**. Позднее этот термин стал оспариваться как неточный, ибо на определенном этапе демократия собрания воинов сменяется властью вождя и их окружения. Но при сохранении консенсуса в таких обществах: народ признает власть правителей и их окружения в обмен на безопасность, а верхи живут за счет военной добычи и добровольных даров своих рядовых соплеменников. Современная наука рассматривает такой переходный период к государственности как эпоху **вождества** или **потестарного общества** (от лат. *potestas* — «власть»). «... *Под потестарным понимается состояние общества, при котором нет еще антагонистических классов, нет эксплуатации и, следовательно, нет необходимости в особом механизме для регулирования отношений между этими классами в пользу одного из них...*» [13, с. 32]. Соответственно, в таком обществе нет и соответствующей организации, отсюда и термин вождество⁷. Именно такую организацию в древнейший период истории Руси видит упоминавшийся выше А. Ю. Дворниченко⁸. С таким подходом согласен и Е. А. Шинаков, обращая при этом внимание на асинхронность политогенеза в разных регионах восточнославянского мира [23, с. 33, 51, 160]. Те же проблемы, кстати, стоят при изучении начала государственности и у других народов. Но это уже иная тема.

Таким образом, важно не абсолютизировать термин, а искать основные вехи, реперы, на основе которых можно наблюдать процессы становления государственной организации у разных народов⁹.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на особые укрепленные поселения – **городища-резиденции знати**, появление которых среди массы сельских поселений и городищ-убежищ должно свидетельствовать о сложении и демонстративном обособлении вождя и знати не только в каких-то действиях и обрядах, но и в повседневной жизни. У славян такие резиденции – небольшие сильно укрепленные городища либо особо оговоренные центры на прежних общинных укрепленных поселках – фиксируются начиная с VII в., но наиболее распространяются в VIII–IX вв. Показательно, что одни исследователи считали их резиденциями родовых верхов, другие – первыми раннефеодальными центрами. Параллельно продолжали существовать и возникшие ранее общинные убежища и святилища, отличавшиеся большими размерами при простых укреплениях и отсутствии следов постоянного населения внутри укрепленных площадок. Но бесспорно феодальные укрепленные центры фиксируются и у западных, и у восточных славян с XI в. К тому времени исчезают и прежние общинные городища, а также появляются и первые города как торгово-ремесленные и административные центры [21, с. 125–126; 22, с. 171–186].

Нередко ранние укрепленные поселения, которые обнаруживают археологи на территории поздних городов, также называют городскими. Представляется, что возникшие в VIII–IX вв. дружинные (княжеские) резиденции, обособившиеся от общинного населения, считать городами еще преждевременно. Ибо, пусть став административными центрами, до X–XI вв. даже наиболее крупные из них еще не имели таких специфически городских функций, как развитое ремесло и торговля. Отражением начала выделения общественных верхов является появление в

⁵ Легизм, напомним, это – возникшее в IV в. до н.э. учение о примате государственной силы, закона и наказания. Легисты утверждали, что государство – это хозяин, деспот. Ему, во имя обеспечения порядка все подчинены. В образцовом государстве власть правителя опирается на силу и никаким законом не связана [8, с. 291–294].

⁶ В соответствии с разработанной в XVII–XVIII вв. теорией общественного договора Г. Гроция, Т. Гобса и французских просветителей.

⁷ Английское слово *chiefdom*, эквивалентом которого служит русское «вождество», вошло в употребление в 50-х гг. прошлого века. Как понятие, связанное с определенной стадией в эволюции социально-потестарной организации, оно было окончательно предложено в начале 60-х годов антропологом Э. Сервисом [13, с. 153].

⁸ См. также [14].

⁹ История знает и примеры иных форм общественной эволюции, при которых народы оставались на догосударственной стадии [2; 20].

VIII–IX вв. небольших укрепленных поселений – усадеб, располагавшихся посреди больших селищ или рядом с ними.

Хрестоматийным примером в Восточной Европе стал комплекс в Хотомеле, где на существовавшем с VII в. городище-убежище в VIII в. появились новые укрепления, отгородившие площадь в 0,1 га, на которой найдено военное снаряжение и дорогие украшения – следы пребывания знати и воинов. Перед нами свидетельство обособления верхов над основной массой окрестного населения.

Но единичность примера свидетельствует о нетипичности указанного явления в VIII в. Более распространенным оно становится в IX в., когда дворов, почти аналогичных Хотомелю, становится больше. X–XI вв. отмечены увеличением не только числа названных городищ, но и появление особых погребений знатных воинов (в Среднем Поднепровье – с X в.) [22, с. 172–173].

Свидетельств массового выделения знати на обособленных укрепленных усадьбах, ее размещения среди сельского населения в VIII–IX вв. еще недостаточно. Резиденции социальных верхов в течение нескольких столетий оставались лишь редкими и нетипичными вкраплениями в сеть традиционных крестьянских поселений. Перед нами – процесс медленного, длительного, не менее 200–300 лет, формирования новой социальной структуры. В течение этого времени происходило оформление относительно постоянного слоя воинов-дружинников при племенных князьях. Очевидно, в X в. процесс оформления служилого слоя (бояр) приобрел более массовый характер (но без оседания их на землю). Ведь именно к этому столетию относятся большое число укрепленных поселений – групповых резиденций воинов (крепости) и отдельных дворов княжеских администраторов, а также начало выделения дружинных погребений. Именно в X в. отмечается и появление на Руси профессионального конного войска [9; 22, с. 173]. Лишь в крайнем западном форпосте славянства – Великой Моравии, под влиянием, очевидно, соседних германских порядков (у последних – под франкским воздействием) подобная система формируются уже в IX в.

Таким образом, в свете вышеотмеченных теорий социогенеза, укрепленные резиденции VIII–X вв. вполне можно связать с догосударственными (предгосударственными) потестарными обществами, вожествами, из которых лишь с начала II тыс. возникли первые славянские государства, в том числе и древнерусские княжества.

Литература:

1. Алимов, Д. «Приходите владеть нами...» // Родина. – 2012. – № 9. – С. 25–26.
2. Альтернативные пути к цивилизации. – Москва, 2000.
3. Афанасьев, Ю. Н. История и современность [электронный ресурс] – Режим доступа: http://you1917-91.narod.ru/afanasyev_istoriya.html/
4. Бродель, Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории – Москва, 2000. – С. 115–142.
5. Гуревич, А. Я. Территория историка // Одиссей. Человек в истории. 1996. – Москва, 1996. [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/gur_terrist.php
6. Дворниченко, А. А существовало ли государство Киевская Русь? // Родина. – 2012. – № 9. – С. 79–82.
7. Дук, Д. Полоцк – 1150 // Родина. – 2012. – № 9. – С. 66–69.
8. Духовная культура Китая: энциклопедия. – Москва, 2006. – Т. 1. Философия.
9. Кирпичников, А. В. Снаряжение русского всадника в IX–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. – Москва, 1970. – С. 22–23.
10. Кирпичников, А. Государственной России – 1150! // Родина. – 2012. – № 9. – С. 23–24.
11. Классен, Х. Дж. М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 71–84.
12. Котляр, Н. Начало Руси, или споры вокруг 862 года // Родина. – 2012. – № 9. – С. 70–73.
13. Куббель, Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – Москва, 1988.
14. Кузнецов, А. В. Древняя Русь конца IX–X вв. – потестарное государство // Веснік МДУ ім. А. А. Куляшова. Серія А. Гуманітарна наука. – 2011. – № 1. – С. 19–24.
15. Магаршак, Ю. Метод последовательных приближений в истории России от Рюрика до наших дней [электронный ресурс] – Режим доступа: ng.ru/science/2011-09-14/14_history.html.
16. Марзалюк, И. Образ полоцкого центра. Первая форма белорусской государственности глазами историков XIX – начала XX века // Родина. – 2012. – № 9. – С. 109–111.

17. Мельникова, Е. ...И Рюрика не было бы без Шарлеманя // Родина. – 2012. – № 9. – С. 30–35.
18. Моця, А. Откуда есть пошла земля Российская // Родина. – 2012. – № 9. – С. 75–78.
19. Петрухин, В. Кто и зачем призывал варягов? // Родина. – 2012. – № 9. – С. 27–29.
20. Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006.
21. Риер, Я. Г. Становление феодальных отношений у западных славян в свете археологических данных // Вопросы истории. – 1988. – № 10. – С. 123–127.
22. Риер, Я. Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. – Могилев, 2000.
23. Шинаков, Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. – Москва, 2009.
24. Якобсон, В. А. Введение в историю бюрократии // Вестник древней истории – 2012 – № 1. – С. 81–125.
25. Как преподавать историю в высших учебных заведениях [электронный ресурс] – Режим доступа: echo.msk.ru/programs/assembly/701249-echo/
26. Эйхенбаум, Б. М. Золотой век Ленинградского филфака в воспоминаниях Л. Аринштейна [электронный ресурс] – Режим доступа: svobodanews.ru/content/transcript/24332683.html.